

Шэнь Цзин подошёл к нему, всем своим видом олицетворяя бездельника и гуляку.

Цзи Сюэмянь наблюдал, как тот приближается, и остановился, когда между ними остался всего лишь шаг.

Шэнь Цзин скрестил руки на груди: Главный секретарь, сколько лет, сколько зим! Кажется, наши отношения слегка остыли. Прошлой ночью я слышал кое-какие звуки из шатра регента. Раз уж нас учил один и тот же учитель, я могу держать язык за зубами.

Цзи Сюэмянь молчал, пристально глядя на него.

Внезапно повисла тишина. Шэнь Цзин, почувствовав невольный страх перед взглядом Цзи Сюэмяня, постепенно растерял свою ухмылку.

Впрочем, сейчас Цзи Сюэмяню было не до него.

В конце концов, в данный момент он действительно не мог извлечь ту связку нефритовых бусин, что были нанизаны на гладкое, сияющее нефритовое кольцо.

Как бы ни был толстокож Цзи Сюэмянь, ему еще не приходилось носить в себе подобные вещи. Ощущение скользкого инородного предмета, который постоянно стремился выскользнуть, вызывало у него такой приступ нервозности, что он едва мог дышать, напрягая всё тело, чтобы драгоценные бусины не выпали на землю.

Хотя он вынужден был признать, что вещица и впрямь обладала удивительным эффектом: жар в его теле заметно спал.

Шэнь Цзин всё еще ждал ответа. Он был совсем не похож на Дуань Цичи, он был в сотню раз наглее и славился тем, что не брезговал ничем.

Заметив недобрую усмешку Шэнь Цзина, Цзи Сюэмянь вдруг подумал, что на всякую силу найдется своя управа, и холодно ответил, как ни в чем не бывало: Шэнь Цзин, если у тебя хватит смелости — иди и скажи это самому регенту. А если нет — веди себя тихо и не болтай ерундой.

Увидев, что тот так открыто признает свою связь с регентом, Шэнь Цзин на мгновение опешил, но тут же перевел взгляд и хитро прищурился: Не волнуйтесь, Главный секретарь, я не стану нарываться на неприятности. Хотя в детстве я вас немало донимал, разве посмею сейчас?

Он помолчал и добавил: Впрочем, после этой ночи я всё понял. Мастерски вы умеете плести сладкие речи, а на деле — одни притворства. Даже то, что вы называли меня братом, было ложью.

Цзи Сюэмянь проигнорировал его слова. Шэнь Цзин был лишь остер на язык, но на самом деле был умен. Иметь такой козырь в его руках — рано или поздно обернется бедой, так что лучше сделать вид, что всё сказанное — правда, и просто сбить его с толку.

Цзи Сюэмянь достал из рукава платок, вытер серебряную плетъ и неторопливо произнес: А что, если я и вправду питаю нежные чувства к регенту?

Увидев плетъ, Шэнь Цзин изменился в лице: Невозможно! Когда мы учились в Гоцзыцзяне, разве не вы больше всех ненавидели нашего регента?

Цзи Сюэмянь не стал спорить. Свернув длинную плетъ, он спрятал её за пояс и сухо бросил: Времена меняются. С чего ты взял, что мои чувства остались прежними?

Плац был огромен и ничем не укрыт от палящего солнца. Солдаты поднимали ногами желтую пыль, от земли исходил такой жар, что сам воздух, казалось, дрожал и шел волнами.

Неизвестно когда, но на краю плаца появился Дуань Цичи. Он смотрел на них с полуулыбкой.

Рядом с ним стояли Линь Юань и несколько помощников военачальника. Все глаза были прикованы к Цзи Сюэмяню, люди ждали указаний Дуань Цичи.

Цзи Сюэмянь почувствовал на себе этот жгучий взгляд и ощутил крайнюю неловкость.

Взгляд Дуань Цичи был полон нежности, но при этом ничуть не скрывал своих намерений. В конечном итоге он остановился на поясе Цзи Сюэмяня, и регент едва заметно улыбнулся.

Цзи Сюэмянь собрался уходить, но Шэнь Цзин, словно получив какой-то негласный приказ, сделал шаг вперед и преградил ему путь, сверкая глазами: Господин, с детства вы славились выдающимся мастерством. Сколько лет прошло — может, померимся силами?

Цзи Сюэмянь прищурился. Поединок? Как можно двигаться и сражаться, не задев ту связку бусин?

При мысли о том, как бусины трутся друг о друга, Цзи Сюэмянь пришел в смятение. Если на глазах у тысяч солдат всё раскроется... последствия будут немыслимы.

Солдаты вокруг, предвкушая зрелище, с восторгом побросали оружие, кто-то даже начал подбадривать их криками.

На волне этого ликования Шэнь Цзин воодушевился: Кулачный бой, холодное оружие, скачки — выбирайте что угодно, я готов к любому испытанию!

Цзи Сюэмянь прикрыл глаза, сдерживая гримасу боли. Семь нефритовых бусин под ребрами напоминали о себе так отчетливо, что каждый шаг отдавался во всем теле онемением.

В горле скопился сладковато-металлический привкус крови, он не мог вымолвить ни слова.

Заметив перемену в его лице, Дуань Цичи нахмурился: Шэнь Цзин, остановись.

Но Шэнь Цзин не понимал: Регент, что в этом такого? Вы же знаете, наш Главный секретарь — отличный боец!

Цзи Сюэмянь проглотил кровь и хрипло произнес: Сразимся на мечах. Десять выпадов решат исход.

Десять выпадов были его пределом. Цзи Сюэмяню некуда было отступать. Он подумал, что Шэнь Цзин, этот наглец, специально издевается над ним. Если он случайно проиграет и будет повален в пыль под насмешки Шэнь Цзина — это было бы просто невыносимо.

Цзи Сюэмянь не стал больше раздумывать, выхватил меч из ножен стоящего рядом воина, крепко сжал рукоять и опустил кончик клинка к земле.

Его охватила жажда убийства, прекрасное, словно заснеженное лицо омрачилось холодом, а надменные фениксовы глаза едва заметно насмеялись над самонадеянностью Шэнь Цзина.

Это было неприкрытое презрение, и Шэнь Цзин, разумеется, это понял.

Прошу прощения, — Цзи Сюэмянь атаковал первым, сверкнув клинком.

Шэнь Цзин не остался в долгу: наступив на древко копья, он подбросил его в воздух, перехватил рукой и направил острие прямо в плечо Цзи Сюэмяня.

Один атаковал длинным мечом, другой — острым копьем. Ноги Цзи Сюэмяня ныли от усталости, но он не собирался показывать слабость и не отступил ни на шаг.

Однако, как он и опасался, пару раз он едва не потерял равновесие и чуть не опустился на колени.

Чтобы не осрамиться перед всеми, он украдкой ущипнул себя за мизинец — острая боль помогла ему мгновенно прийти в себя.

Солдаты размахивали руками и выкрикивали призывы, их энтузиазм, казалось, готов был пронзить небеса.

Глаза Цзи Сюэмяня, глубокие, как омуты, вспыхнули от этого жара. Его холодная натура словно воспламенилась, и даже ту незначительную боль и странные ощущения он просто отбросил в сторону.

Руки и ноги налились жаром, казалось, кровь во всем теле потекла вспять.

При дворе он — Главный секретарь, Императорский Наставник, первый среди гражданских чиновников.

В Столице постоянно плелись интриги, и он всегда ходил по лезвию ножа.

Здесь же, в Наньцзяне, куда не дотягивались руки столичных чиновников, Цзи Сюэмянь снова взял в руки меч и ощутил небывалый прилив духа.

Он с радостью отбросил всю ту утонченность, которая полагалась человеку с кистью, и сражался в полную силу.

Только вот...

Цзи Сюэмянь заставил себя преодолеть невыразимый стыд и позор, его движения стали быстрыми и точными.

Он помнил, что Шэнь Цзин искусен в бою, в моменты гнева Цзи Сюэмянь уже сражался с ним.

Ходили слухи, что стили младшего сына семьи Цзи и наследника семьи Шэнь были похожи — оба никогда не останавливались, пока не прольется кровь. Даже маленький наследный принц в то время боялся этих двоих безумцев.

Они сражались с зенита до того момента, как солнце скрылось за тучами. Шэнь Цзин и Цзи Сюэмянь шли на равных, но в итоге Цзи Сюэмянь приставил кончик меча к горлу Шэнь Цзина.

Цзи Сюэмянь остановился, выдержав дистанцию ровно в полвершка до жизненно важной точки: Сдаешься?

После боя ноги Цзи Сюэмяня подкашивались.

Он едва держался на ногах и вдруг с ужасом почувствовал, что одежда в одном месте сильно намокла.

Может, это лишь показалось? Цзи Сюэмянь подавил тревогу.

Шэнь Цзин опустил копье, но, скалясь, весело произнес: Господин, приношу свои извинения.

Цзи Сюэмянь опустил голову и увидел, что рука Шэнь Цзина тянется к нему...

Чья-то крупная, узловатая ладонь перехватила руку Шэнь Цзина: Господин Цзи, хотите победить? Я помогу вам его проучить.

Цзи Сюэмянь резко поднял голову и встретился взглядом с Дуань Цичи, чье лицо было безупречно красивым.

Однако выражение лица Дуань Цичи было далеко не радостным — он почти открыто демонстрировал недовольство, оттолкнув Шэнь Цзина в сторону.

Главный секретарь, вы утомились. С таким нездоровьем — и всё же смогли уложить Шэнь Цзина на лопатки. Шэнь Цзин, иди получи наказание.

Шэнь Цзин выглядел так, словно его только что отчитали. Он посмотрел на Цзи Сюэмяня: губы того были алыми, но лицо — бледным, как полотно. Он выглядел болезненным, и если не брать в расчет его молниеносную технику боя, можно было подумать, что он только что оправился от тяжелой хвори.

Не дождавшись ответа от Цзи Сюэмяня, Дуань Цичи приглушенным голосом спросил: Господин, вам плохо?

При виде его лица в голове Цзи Сюэмяня всплыли картины минувшей ночи.

Прошло всего несколько мгновений, но воспоминания о тех безумствах нахлынули сплошным потоком.

Цзи Сюэмянь покраснел до корней волос, уши горели огнем. Он убрал меч и холодно бросил: Нет.

Дуань Цичи протянул к нему руку, пытаясь ухватиться за рукав: Дай-ка я посмотрю на твою руку.

Цзи Сюэмянь, забыв о приличиях, на глазах у всех оттолкнул его и, собравшись с духом, произнес так, словно ничего не случилось: Это был лишь поединок. Если регент хочет победить, он, конечно, победит, не стоит тратить силы на помощь подчиненному.

Под широким рукавом он незаметно отстранил руку Дуань Цичи.

Дуань Цичи не рассердился, но тихо, так что слышали лишь ближайшие люди, произнес: Сюэмянь, к чему такая упрямство?

Те, кто это услышал — Шэнь Цзин, Линь Юань и несколько генералов — застыли в полном недоумении.

Шэнь Цзин не мог поверить своим ушам, остальные генералы переглядывались, ничего не понимая. Лишь Линь Юань начал о чем-то догадываться.

Он решил не спрашивать, куда делось то нефритовое кольцо, которое так берег его господин, и почему тот называет Главного секретаря по имени.

Цзи Сюэмянь лишь опустил глаза: Регенту не нужно видеть во мне хрупкую женщину. А рука — пройдет через пару дней.

Дуань Цичи хмыкнул, слегка нахмурившись. В его черных глазах промелькнуло недовольство отказом. Он наклонился к самому уху Цзи Сюэмяня и прошептал: Если господин продолжит упрямиться, я могу и разозлиться.

Цзи Сюэмянь отвернулся, избегая его прямого взгляда, бросил длинный меч, напустил на себя равнодушный вид, подавил неприятный осадок на душе и, оставив всех позади, медленно и слегка нетвердой походкой зашагал прочь.

Вспотевший Шэнь Цзин был в замешательстве: Какой странный запах, может, цветы расцвели? И что с господином Цзи? Разве он не говорил минуту назад, что любит регента? Почему же, как только увидел его, сразу ушел?

Не болтай. Это же Главный секретарь, должно быть, его просто разморило от жары, — попытался оправдать его Линь Юань.

Его голос был негромким, но как раз достаточным, чтобы Дуань Цичи всё услышал.

Так ты говоришь... кого он любит? — прищурился Дуань Цичи.

Шэнь Цзин почесал затылок: Вас. Он еще сказал, что времена меняются, думаю, он хотел сказать, что уже без памяти в вас влюбился.

Линь Юань показалось, что грозный регент на мгновение замер, а потом... потом Линь Юань побоялся смотреть дальше.

Потому что Дуань Цичи уже бросился в погоню за Цзи Сюэмянем, велел никому не следовать за ним.

Все солдаты были на плацу, поэтому в лагере было пусто. Цзи Сюэмянь шел, делая шаг и отдыхая, походка его была неловкой, дыхание сбивалось — всё давалось с большим трудом.

Сегодня всё шло наперекосяк: Лань Шэнь не уделял ему внимания, так еще и Шэнь Цзин навязался.

Цзи Сюэмянь почему-то не хотел видеть Дуань Цичи, особенно после того, что произошло прошлой ночью.

Пока он шел, опустив голову, он внезапно врезался во что-то твердое.

Мужчина в официальном мундире чиновника второго ранга сделал шаг назад, а затем подхватил его под локоть и с тревогой спросил: Главный секретарь, вы не ушиблись?

Высокий, с серьезным и неразговорчивым лицом, с крепко сжатыми губами, но с полным участием в глазах.

Увидев старого знакомого — Янь Мина, специального уполномоченного от Ведомства инспекции в Наньцзяне, — Цзи Сюэмянь крепко сжал кулаки: Господин Янь, сколько лет мы не виделись.

Янь Мин окинул его взглядом: Господин Цзи, мне кажется... вам нездоровится?

<http://bllate.org/book/21919/2277351>